

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

Н. Н. Назаренко, А. В. Башкин

Экспорт зерновых начала 30-х гг. XX в. в контексте голода 1932–1933 гг.

Экспорт зерновых во время голода 1932–1933 гг. является одним из краеугольных камней и источником полярных оценок действий правительства СССР в исторических исследованиях и современных популярных и пропагандистских публикациях. При этом оценки, к сожалению, не лишены ошибок.

Даже в научных публикациях указание на экспорт зерновых как причину голода 1932–1933 гг. основывается прежде всего на «последующем знании» факта катастрофического голода и современной оценке числа умерших от голода, которая также вызывает вопросы. Причинами голода 1932–1933 гг., которые требуют отдельного рассмотрения, были административно-территориальная реформа 1932–1933 гг. и, как следствие, потеря контроля над действием местных властей и ошибки в учете и планировании урожая; грубейшие нарушения агротехники посевной 1932 г., погодные условия осени-лета 1931–1932 гг., разрешение колхозной торговли хлебом в условиях только что прошедшего продовольственного кризиса первого полугодия 1932 г., организованное и стихийное сопротивление некоторых слоев сельского населения, но не экспорт продовольственных зерновых культур, как это представляют исследователи.

Назаренко Назар Николаевич,
доктор биологических наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Башкин Анатолий Викторович,
Интернет-проект «Исторические материалы» (Москва, Россия)

Так, одним из первых голод с экспортом связывает В. П. Данилов, указывая цифру экспорта зерна за 1932 г. в 18 млн ц и утверждая, что отказ от экспорта мог спасти около 7 млн человек по нормам благополучных лет и 14 млн человек — в условиях голода¹. Также следует отметить работу Л. И. Гинцберг, в которой была предпринята попытка рассмотреть вопрос экспорта зерновых в начале 30-х гг. XX в. по материалам «Особых папок» Политбюро ЦК ВКП (б)². К сожалению, автором не была представлена динамика экспорта в 1932–1933 гг., а сами величины экспорта четко не систематизированы. И. Е. Зеленин в контексте данной проблемы указывает на письмо И. В. Сталина В. М. Молотову от 24 августа и Постановление Политбюро от 29 августа 1930 г., характеризует экспорт зерна начала 30-х гг. XX в.: «как при царе по принципу “не доедим, а вывезем”»³, и приводит вышеприведенные утверждения В. П. Данилова⁴. В. В. Кондрашин, цитируя⁵ упомянутое письмо И. В. Сталина с требованием форсировать хлебозаготовки и зерновой экспорт с целью получения валютных поступлений, пишет: «Всего за 1930–1933 гг. из СССР в Европу было вывезено свыше 12 млн т хлебных культур. Вырученные от их продажи деньги составили 442 млн 109 тыс. рублей. Это был “экспорт на костях”, в условиях гибели и страданий от голода миллионов советских граждан, как в сельской местности, так и городах», — и приводит вышеуказанные подсчеты В. П. Данилова. Более того, эти подсчеты прямо соотносятся с оценками количества жертв голода в СССР в 1932–1933 гг. (от 5 до 7 млн чел.)⁶.

Более подробно вопрос экспорта зерновых в начале 30-х гг. прошлого века В. В. Кондрашин рассматривает в связи с анализом хлебозаготовительной политики советского правительства в 1929–1933 гг.⁷ В этой работе вышеизложенные тезисы описываются более подробно, а экспорт начала 30-х гг. XX в. прямо называется одной из важнейших причин голода⁸. При этом основной упор в анализе действий руководства СССР делается на 1930 г., приводятся письма И. В. Сталина от 6 и 24 августа 1930 г. о форсировании экспорта, которые напрямую привязываются к голоду 1932–1933 гг. При этом ни динамику управленческих решений руководства СССР, ни ее анализ за период 1930–1933 гг. автор не приводит. Свое мнение В. В. Кондрашин обосновывает либо суммарными показателями экспорта за весь период 1930–1933 гг., либо суммарными показателями экспорта за отдельные календарные годы. Анализ помесечной динамики экспорта в связи с урожаями конкретных лет в привязке к управленческим решениям руководства СССР и состоянию его валютных резервов также не дается. И снова приводятся вышеуказанные подсчеты В. П. Данилова⁹.

Р. Дэвис и С. Уиткрофт рассматривают зерновой экспорт в рамках анализа хлебозаготовок как одну из статей плана распределения зерновых в динамике за 1930–1933 гг., поэтому данные экспорта приводятся в монографии в несистематизированном виде¹⁰. При этом необходимо отметить, что авторы четко различают календарный и сельскохозяйственный года и представляют достаточно подробные количественные данные. К сожалению, они не разделяют отгрузки на экспорт и непосредственно экспорт.

Е. А. Прудникова и И. И. Чигирин указывают: «В 1931 году Советский Союз поставил за границу 5,2 млн тонн зерна. В 1932 году, при норме экспорта пшеницы, установленной для СССР в 50 миллионов бушелей, было вывезено лишь

17 млн. 1 бушель — это 28,6 кг, стало быть, в 1932 году на экспорт ушло лишь 486,2 тыс. тонн — на порядок меньше, чем в предыдущем. В том же году США экспортировали 30, Австралия — 154, а Канада — 260 миллионов бушелей. Как видим, советский экспорт зерна, по сравнению с 1931 годом, уменьшился более чем в 10 раз: остались лишь те контракты, которые нельзя было не выполнить по политическим причинам (например, поставки зерна в Германию)¹¹. При этом, не учитывая экспорт первого полугодия 1933 г., авторы сравнивают весь зерновой экспорт 1931 г. с экспортом только пшеницы в 1932 г. Анализируя импорт, далее авторы пишут: «...в 1931 году импорт хлеба в зерне составил 172 тонны, а в 1932 году в СССР было ввезено 138,3 тысяч тонн хлеба и 66,9 тысяч тонн риса из Персии (Ирана)», делая вывод, что «никакое зерно ради экспорта не выгребалось, поскольку и самого экспорта практически не было, а был импорт»¹². Реальные же показатели импорта были скромнее и составляли в 1931 г. 37,1 тыс. т, а в 1932 г. из Ирана импортировано 28,6 тыс. т зерновых и 66,2 тыс. т риса, общий импорт зерновых составил 184,8 тыс. т, включая рис¹³.

Активно упоминается тема «голодного» экспорта 1932–1933 гг. украинскими авторами. В этой связи необходимо отметить сборник документов под общей редакцией Владимира Сергийчука, посвященный проблеме экспорта хлеба из УССР. К сожалению, несмотря на охват проблемы — начиная с 1919 г., систематизированный анализ экспортных показателей автором не дается; более того, у автора виден «украиноцентричный» подход, когда под экспортом понимается любой вывоз зерновых за пределы УССР, поэтому крайне тяжело оценивать именно экспорт за пределы СССР¹⁴.

Таким образом, при анализе «голодного» зернового экспорта последний рассматривается как одна из причин голода 1932–1933 гг. При этом экспорт увязывают с ситуацией 1930 г. и непосредственно И. В. Сталиным, без подробного анализа управленческих решений советского руководства за весь указанный период и без учета разницы внешней и внутренней экономической ситуации 1930-го и 1932–1933 гг. Кроме того, в работах приводятся преимущественно суммарные показатели четырехлетнего экспорта зерновых и экспорта за календарные годы без учета их помесечной динамики в связи с урожаем конкретных лет. Непроясненной является также ситуация с импортом зерновых в 1932–1933 гг.

Следовательно, тема зернового экспорта начала 30-х гг. XX в. требует подробного дополнительного исследования в связи с особенностями и тенденциями мирового зернового рынка в эти годы, финансовым положением СССР на валютном рынке, сравнительного анализа детального движения урожая этих годов на экспорт и управленческих решений руководства СССР по организации экспорта зерновых.

В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. СССР, как ранее Российская империя, был сырьевым экспортером, а экспорт зерновых составлял значительную статью дохода СССР. В частности, удельный вес зерновых в общем объеме экспорта составлял порядка 20% в 1930–1931 гг., а в плане валютных поступлений экспорт зерновых во внешней торговле СССР уверенно занимал первое место. Его удельный вес к итогу всех валютных поступлений в 1929 г. составлял 9,9%, в 1930-м — 29,0%, в 1931-м — 32,1% и в 1932-м — 20,7%¹⁵. Как уже указывалось выше,

зачастую авторы при рассмотрении экспорта зерновых анализируют величины экспорта/импорта за календарный год, что методически неправильно. Необходимо анализировать экспорт/импорт непосредственно урожая того или иного года, то есть не календарного года, а сельскохозяйственного. Календарные же цифры экспорта зерновых из справочников¹⁶, как правило, включают в себя данные о части урожая. Применительно к голоду 1932–1933 гг. экспорт за календарный 1932 г. — это урожай 1931-го и часть урожая 1932 г., движение же на экспорт хлеба урожая 1932 г. — это второе полугодие 1932-го и первое 1933 г., а календарные цифры экспорта 1933 г. — часть урожая 1932-го и часть 1933 г.

Непосредственно экспортом зерновых, бобовых и разного рода семян, а также сахара, занималось внешнеторговое объединение «Экспортхлеб». Особенностью его работы было то, что кредитные операции в основной своей части оно проводило самостоятельно. Операции с хлебом позволяли максимально быстро получать валюту, так как, независимо от реализации, «Экспортхлеб» имел возможность брать кредиты в пределах фактически осуществляемого экспорта. Объединение также получало кредиты под товары, находящиеся в портах СССР, причем сумма этих кредитов достигала обычно 1,25 млн фунтов стерлингов (11,8 млн руб.). Наиболее благоприятный период в работе «Экспортхлеба» относился к 3-му кварталу, когда с началом уборки удавалось получить кредиты до 1 млн фунтов стерлингов (9,5 млн руб.) и появлялась возможность оформления варрантов (залоговых свидетельств на экспорт товара при получении кредитов) под товар, находящийся в СССР. Наиболее напряженный период был во втором квартале следующего года, когда одновременно снижался объем экспорта и приходилось оплачивать кредиты, полученные в начале кампании¹⁷.

Зерно на экспорт передавалось Комитетом заготовок при Совете труда и обороны (с 1933 г. — при Совнаркоме) СССР (далее — Комзаг) в адрес Наркомата внешней торговли (далее — НКВТ). В документах эта позиция обозначена как «отгрузки на экспорт». В зависимости от ситуации могла происходить и обратная отгрузка от НКВТ к Комзагу. Именно данные Комзага приводят в своей монографии Р. Дэвис и С. Уиткрофт при рассмотрении экспорта¹⁸. Однако под экспортом подразумевается непосредственное пересечение товаром границы СССР. Таким образом, отгрузки на экспорт товара в документах часто означают только передачу его НКВТ, и совершенно не означают его непосредственный экспорт, так как часть зерна могла передаваться в Торгсин, оставаться в портах СССР в качестве залога, а также отгружаться обратно.

Рассмотрим ситуацию детально и по годам.

С выходом 5 января 1930 г. постановления ЦК ВКП (б) о темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству, был взят курс на сплошную коллективизацию в основных зерновых районах¹⁹. К 1 июня 1930 г. процент коллективизации крестьянских хозяйств составил по СССР 23,6%²⁰, по УССР — 38,2% и Северному Кавказу — 50,9%. Валовой урожай зерновых 1930 г. составил 83,5 млн т, превысив знаменитый урожай 1913 г. в 80,1 млн т. на 3,4 млн т²¹ (в границах СССР до 1939 г.). По данным на июнь 1930 г., урожайность в колхозах и совхозах была «выше, чем у единоличников, — в совхозах на 40% и в колхозах на 14%. Это — в среднем по Союзу. Если взять совхозы

и сравнить состояние урожая у них и в окружающих крестьянских хозяйствах, то урожайность в совхозах выше на 25–30%»²². Наиболее впечатляющим был рост хлебозаготовок — до 22,1 млн т (доля социалистического сектора 39,5%)²³, по сравнению с 1929 г. (16,1 млн т) и 1928 г. (10,8 млн т)²⁴.

Рекордный урожай 1930 г. для руководства СССР обозначил перспективы социалистического сектора, но также породил эйфорию, дав надежду на то, что в последующие годы удастся добиться более высоких результатов. В частности, в руководстве аграрного сектора СССР преобладали крайне оптимистические настроения: «Вот почему программа 1931 г. предусматривает дальнейший рост продукции зерна на 12%. Гигантская трудность этой задачи ясна из того, что мы стремимся получить на 105 млн ц больше урожая 1930 г., который сам по себе, ввиду прекрасных условий погоды, является рекордным. Тем не менее, эта задача должна и может быть разрешена»²⁵.

Выросшие на фоне рекордного урожая объемы хлебозаготовок способствовали росту экспортных возможностей, сопоставимых с 1913 г. (экспорт 9084 тыс. т зерна). В результате этого, в календарном 1930 г. экспорт зерна составил 4764 тыс. т²⁶. Непосредственно урожая 1930 г. было экспортировано 5511 тыс. т²⁷, что на фоне провала 1928 г. (плюс 4-й квартал 1927 г.), когда после экспорта в размере 288, 7 тыс. т пришлось закупать 278 тыс. т зерновых, и экспорта 1929 г. в 178 тыс. т выглядело огромным шагом вперед. Именно на этом фоне И. В. Сталин в письмах В. М. Молотову пишет свои известные и часто цитируемые фразы: «Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут» (6 августа) и «Надо бы поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3–4 миллионов пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский завод и пр.) заводов. Найдутся мудрецы, которые предложат подождать с вывозом, пока цены на хлеб на международном рынке не подымутся “до высшей точки”. Таких мудрецов немало в Наркомторге. Этих мудрецов надо гнать в шею, ибо они тянут нас в капкан. Чтобы ждать, надо иметь валютн [ые] резервы. А у нас их нет. Чтобы ждать, надо иметь обеспеченные позиции на международном хлебн [ом] рынке. А у нас нет уже там давно никаких позиций, — мы их только завоевываем теперь, пользуясь специфически благоприятными для нас условиями, создавшимися в данный момент. Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба» (24 августа)²⁸.

Как упоминалось выше, именно эти слова связывают с причиной голода 1932–1933 гг., по умолчанию подразумевая, что они распространяются и на последующие годы. При этом не упоминается письмо И. В. Сталина от 23 августа 1930 г., где он объясняет причину форсирования экспорта: «Нам остается еще 1–1½ месяца для экспорта хлеба: с конца октября (а может быть и раньше) начнет поступать на рынок в массовом масштабе американский хлеб, против которого трудно будет устоять. Если за эти 1½ месяца не вывезем 130–159 мил. пудов хлеба, наше валютное положение может стать потом прямо отчаянным»²⁹.

Таким образом, слова И. В. Сталина о форсировании хлебного экспорта относятся исключительно к очень благоприятной ситуации 1930 г. И они прямо связаны с тем, что СССР только начал выходить на международный рынок зерна,

и имел на это крайне мало времени до появления главных конкурентов, особенно США, имевших на этом рынке устойчивые позиции. Кроме того, вышеуказанные письма И. В. Сталина были вызваны крайне неустойчивыми позициями СССР в плане валютных резервов. Именно поэтому необходимо было при первой же возможности наращивать экспорт, чтобы при росте внешней задолженности в связи с модернизацией экономики валютное положение СССР не стало «прямо отчаянным».

Следствием мирового кризиса начала 30-х гг. XX в. являлось непрерывное ежегодное падение цен на зерновые. Цены на пшеницу в 1931 г. по сравнению с августом 1930 г. снизились приблизительно на 35%, а по сравнению с 1929 г. — в два раза³⁰. В 1932 г. вырученная по пшенице цена составляла 37,7%, по ржи — 77,2%, по ячменю — 61%, по овсу — 83,4% и по кукурузе 42,9%, жмыхи — 28,6%, бобовые — 28,6%, семена и прочие — 14,5% от цен 1928/29 г.³¹ Это резкое беспрецедентное снижение цен почти на 70% с 1930 до 1933 г. показывает, что И. В. Сталин оказался прав, настаивая в своих письмах в августе 1930 г. на немедленной максимальной продаже хлеба, потому что высшая точка цен на зерно осталась позади.

Повторимся, в начале 30-х гг. XX в. СССР активно пытался закрепиться на внешнем рынке зерна. Так, в мае 1931 г. в Лондоне состоялась пшеничная конференция стран-экспортеров, где по приглашению канадской стороны принял участие СССР³². Поводом для созыва послужило падение цен на зерновые и экспортный кризис. Экспортные излишки стран-экспортеров на 20 февраля составляли порядка 20 млн т, с предположительным вывозом до конца года в размере 10 млн т. Общее состояние мирового пшеничного рынка оценивалось «в полном смысле этого слова катастрофичным. Экономические журналы приходят в ужас при одной мысли о возможности хорошего урожая 1931 г.»³³. На конференции со стороны Польши, Придунайских стран и Австралии поступили предложения о предоставлении квот странам экспортерам. Позиция США сводилась к сокращению посевных площадей и категорическому отказу обсуждения квот. В декларации СССР указывалось, что «Советская делегация решительно отказывается обсуждать вопрос о сокращении производства пшеницы. Советская делегация решительно высказывается также против твердых цен, которые значительно ухудшают и без того тяжелое положение трудящихся, но Советская делегация согласна обсудить схему квот, которая могла бы упорядочить пшеничный рынок, в чем заинтересован Советский Союз, который нуждается в экспорте пшеницы для покрытия своих расходов по импорту оборудования. Декларация Советской делегации выражала согласие на некоторое перераспределение советского экспорта пшеницы по месяцам, с тем, однако, чтобы Советскому Союзу были предоставлены кредиты под имеющиеся внутри страны запасы пшеницы. Вместе с тем, Советская делегация выставила требование признания за СССР размеров экспорта пшеницы довоенной России»³⁴.

Из этого следует, что позиция СССР в преддверии урожая 1931 г. сводилась к требованию признать себя одним из ведущих участников международного рынка зерна, аргументируя это тем, что «СССР имеет естественное право занять на мировом рынке такое же место, какое занимала довоенная Россия»³⁵.

А поскольку пшеница являлась одним из главных источников покрытия «обязательств по импорту и ввиду исключительного финансового режима, который установлен международным банковским капиталом для СССР, СССР должны быть гарантированы соответствующие кредиты для финансирования тех количеств пшеницы, которые в результате соглашения, могут задерживаться внутри СССР, причем задержанная пшеница может служить обеспечением предоставленных СССР кредитов»³⁶.

Валовой урожай зерновых 1931 г. изначально был оценен в размере 79,4 млн т³⁷. Впоследствии цифра была скорректирована до официальной оценки в 69,5 млн т, а заготовки составили 22,8 млн т³⁸. В течение календарного 1931 г. экспортировано 5055 тыс. т зерновых³⁹. Экспорт зерновых непосредственно урожая 1931 г. составил 4437 тыс. т, из которых на первое полугодие 1932 г. пришлось 753 тыс. т⁴⁰. Мнение И. В. Сталина по сравнению с 1930 г. резко изменилось. 4 сентября 1931 г. он пишет Л. М. Кагановичу: «Решительно возражаю против решения Политбюро о замене экспорта масла и яиц другими видами экспортных продуктов. Это бессмыслица с точки зрения нынешней конъюнктуры. Вы всячески нажимаете на экспорт хлеба, когда за хлеб платят гроши, и хотите попридержать и ликвидировать экспорт масла и яиц, представляющих более выгодный экспортный товар. Где же тут смысл? Не лучше ли будет попридержать экспорт хлеба и усилить экспорт масла, или — в крайнем случае — усилить и то, и другое, если вы, в самом деле, хотите выручить валюту, а не играть в экспорт»⁴¹. Таким образом, уже спустя год на фоне падения цен на зерно и падения урожая И. В. Сталин меняет свое мнение и требует не форсировать, а «попридержать экспорт хлеба».

В конце января 1932 г. начали проявляться ошибки планирования и оценки урожая 1931 г., которые в течение первых двух кварталов 1932 г. повлекли за собой пересмотр внешнеторговой политики экспорта зерновых. Хроника основных решений Политбюро по этим вопросам выглядит так: 23 января предлагается сократить расходы пшеницы на общее снабжение на 163,8 тыс. т, и частично воспользоваться пшеницей из неприкосновенного фонда⁴²; 28 января на 50 тыс. т сокращается дополнительный экспорт зерна на 1-й квартал⁴³; 16 февраля сокращается дополнительный экспорт ржи, взятой из неприкосновенного фонда, на 65 тыс. т⁴⁴; 7 марта начинаются массовые отгрузки семенных и продовольственных ссуд «ввиду того, что как выяснилось за последнее время, недород в восточных районах оказался более серьезным, чем можно было бы предполагать», и отменяется отгрузка на экспорт 85 тыс. т продовольственных культур⁴⁵; 14 марта — решение закупить 49 тыс. т хлеба для Дальневосточного края в Дайрене или Маньчжурии⁴⁶; 16 апреля НКВТ поручено закупить хлеб в Персии в размере 48 тыс. т⁴⁷; 21 апреля — решение о закупке 16 тыс. т пшеницы и муки⁴⁸; 23 апреля — решение о разварантировании 10 тыс. т хлеба⁴⁹; 29 апреля возврат 17 тыс. т зерна из портов в распоряжение Комзага и решение о закупке 57 тыс. т зерна на Дальний Восток с доставкой его из Персии и для Дальневосточного края в течение мая-июня⁵⁰; 16 мая — решение о разварантировании 65 тыс. т зерна⁵¹; 23 июня — решение о разварантировании 63 тыс. т зерна⁵². Закупки хлеба были и позже, например 10 июля 1932 г. Политбюро было принято

решение немедленно закупить за границей для Дальневосточного края 38 тыс. т хлеба с его поступлением не позже 15 августа, из которых не менее половины — мукой⁵³. При этом импорт пришлось компенсировать экспортом на такую же сумму из южных портов позже, в августе 1932 г. Следовательно, часть экспорта второго полугодия 1932 г. из нового урожая — вынужденное последствие решения продовольственных проблем первого полугодия в условиях, когда последующий пик голода в 1933 г. никто не мог предполагать.

Всего за первое полугодие 1932 г. было экспортировано 753 173 т зерна, при этом в динамике экспорт выглядит следующим образом: январь — 286 487 т, февраль — 192 675 т, март — 172 842 т, апрель — 74 056 т, май — 23 768 т, июнь — 3345 т⁵⁴. Также в течение 1932 г., по данным оперативного учета, СССР импортировал 205 тыс. т зерновых⁵⁵ (по другим данным — 184,8 тыс. т⁵⁶).

Таким образом, за первое полугодие 1932 г. в связи с зерновым кризисом правительство СССР не только резко сокращает зерновой экспорт и возвращает из портов экспортное зерно, но и начинает зерновой импорт, что никак не подтверждает постулат об экспортном «выкачивании» зерна.

Как видно из вышеприведенных данных, первое полугодие 1932 г. привело к крушению надежд о перспективах хлебного экспорта. Попытка в течение первых трех месяцев 1932 г. за счет сокращения потребления и экономии хлеба внутри страны улучшить ситуацию с выплатами по накопившейся задолженности закончилась неудачей. И уже во втором квартале 1932 г. хлеб пришлось закупать за границей, а также выкупать зерно, которое находилось в качестве залога в портах, и использовать неприкосновенный и государственные фонды⁵⁷. Наличие же экспорта и импорта зерна одновременно связано с тем, что для снабжения восточных и южных районов СССР зерно было целесообразнее импортировать. В частности, это отмечается для Закавказья (импорт из Персии) и Дальневосточного края (импорт из Китая, Канады и Австралии)⁵⁸.

Помимо этого нужно отметить, что многие полемисты не отдают себе отчет, что организация импорта — достаточно сложный и длительный процесс. Например, решение об импорте 48 000 т хлеба в Персии было принято 16 апреля 1932 г. Поступить он должен был в течение мая-июня. По факту, удалось закупить 26 687 т, из них до 1 июля поступило только 15 839 т. Далее Восточной конторе «Экспортхлеба» пришлось оперативно импровизировать: «Поскольку план заготовки зерна стоял под угрозой невыполнения, был поставлен вопрос замены ввоза зерна — рисом в соотношении 1 пуд риса за 1½ пуда зерна. Операция была санкционирована, и Экспортхлеб в июле ввез из Персии 12.373 тонн риса»⁵⁹. Подобные оперативные закупки без изучения рынка и местной специфики приводили к срывам поставок, на что Политбюро реагировало крайне жестко⁶⁰. Из Китая до 1 июля было импортировано 12 223 т из запланированных 49 тыс. т, из Канады — 44 368 т, которые распределялись: июнь — 25 686 т, июль — 7 471 т, август — 11 211 т, а с австралийской пшеницей ситуация была еще тяжелее: из 51 678 т поступило в июне 7 062 т, в августе — 35 806 т, в сентябре — 8 810 т⁶¹. Исходя из вышеизложенного, из импортированных по данным оперативного учета 138 332 т пшеницы в первое полугодие, когда она была остро необходима, удалось доставить только 60 812 т (43%)⁶².

Официальная оценка урожая 1932 г. была 69, 9 млн т⁶³. Учитывая неурожай 1931 г., план заготовок был снижен с 22, 4 до 20, 5 млн т⁶⁴ (с учетом гарнцевого сбора и возвратом семенных ссуд 1, 6 млн т и 1,3 млн т⁶⁵ соответственно), предполагалось заготовить не менее 23, 4 млн т. В процессе самой заготовительной кампании планы приходилось неоднократно корректировать в сторону снижения, с итоговым результатом 18, 8 млн т⁶⁶. Вместе с сокращением хлебозаготовок корректировался и план экспорта зерновых 1932 г.: 16 января по утвержденному Политбюро плану на календарный 1932 г. экспорт составлял 6235 тыс. т⁶⁷; 23 июня Л. М. Каганович пишет И. В. Сталину: «Внешторг включил в экспортно-импортный план III кв [артала] вывоз 60 мил. пуд [ов] зерновых и кроме этого завоз в порты сверх этого 50 м [лн]. пуд [ов] для залога и продажи в октябре. Годовой план экспорта из урожая 32 г. он предлагает довести до 4 млн тонн. Мы этот вопрос пока не решили. Конечно, вывозить обязательно необходимо немедленно и надо дать отпор настроениям, сложившимся на почве некоторых затруднений последних пару месяцев, что не надо-де вывозить, но вопрос сколько вывезти в III квартале, думаю, что цифру Внешторга немного сократить придется. Прошу Вас сообщить Ваше мнение»⁶⁸. 26 июня — ответ И. В. Сталина: «По экспорту хлеба предлагаю серьезно сократить план Розенгольца (для III квартала)»⁶⁹; 16 июля Политбюро утвердило экспорт хлеба в III квартале в размере 31, 5 млн пудов (включая бобовые), 20 млн пудов для варранта и 10 млн пудов переходящих остатков (всего 61, 5 млн пудов), и было принято решение «разрешить НКВТ по мере необходимости использовать метод продажи в порядке срочных сделок на бирже (фьючерсы) пшеницы в целях страхования цен. Объем таких продаж определить не свыше 200 тыс. тонн»⁷⁰; 9 сентября принят новый план хлебозаготовок 21, 6 млн т и определены размеры экспорта урожая 1932 г. в 2, 7 млн т⁷¹; 20 октября принято решение о сокращении экспорта хлеба из урожая 1932 г. до 2, 46 млн т⁷²; 23 октября — Постановление ЦК: «Произведенное уменьшение экспортного плана зерновых культур урожая 1932 г. на 15 млн пудов распространить полностью на пшеницу»⁷³; 1 декабря Комзаг представляет изменения хлебофуражного баланса от 9 сентября, исходя из плана хлебозаготовок в 19,8 млн т (меньше изначальной цифры на 3,6 млн т) и «Годовой план экспорта всех зерновых культур мы предлагаем уменьшить на 65 млн пуд. и установить его в размере 100 млн пуд. вместо 165 млн пуд. Наше предложение означает, что помимо того, что будет сдано на экспорт до 1 января 1933 года (70 млн пуд.) может быть сдано в первом полугодии 1933 года 30 млн пуд. Вся сдача после 1-го января в размере 30 млн пуд, за исключением отгрузок Монголии, нами проектируется исключительно фуражными и бобовыми культурами, т. е. мы считаем невозможным кроме Монголии, производить экспорт продкультур после 1 января»⁷⁴. 9 декабря Политбюро решило: «Утвердить план экспорта в размере 100 млн пудов (1,64 млн т), из которых продовольственных культур (пшеница и рожь) — 49 млн пудов. Отмечая, что по состоянию на 1 декабря фактически отгружено на экспорт 75 млн пудов зерновых культур, в том числе продовольственных 46 млн пудов» и «отгрузки зерновых культур на экспорт с 25 декабря производить всеми зерновыми культурами, за исключением продовольственных (кроме Монголии) равными частями в течение 3 месяцев (январь, февраль,

март)»⁷⁵. Наконец, 31 марта 1933 г. принимается решение «Прекратить экспорт зерновых культур урожая 1932 г. начиная с 1–4–1933»⁷⁶.

Исходя из вышеизложенного, план хлебозаготовок к январю 1933 г. уменьшился до 19, 8 млн т (87% от плана 1932 г.), а план экспорта упал до 1, 64 млн т (61% от первоначального плана и 32% — от плана 1931 г.). То есть руководство СССР вместо планирования «выкачивания» хлеба на «голодный» экспорт принимает решение, наоборот, снизить экспорт, с 25 декабря 1932 г. решает минимизировать экспорт продовольственных зерновых (экспорт только в Монголию), а с 1 апреля 1933 г. — решает экспорт зерновых прекратить вообще⁷⁷.

Валютный импортно-экспортный план и фактическая динамика экспорта зерна урожая 1932 г. выглядят следующим образом (см. таблицу).

Таблица
**Валютный импортно-экспортный план СССР на 1932–1933 г.
и экспорт зерновых урожая 1932 г.**⁷⁸

Месяц	Валютный импортно-экспортный план, тыс. руб.			Экспорт, тыс. т. (%)		Приход от «Экспортхлеб», тыс. руб.
	Приход	Расход	Сальдо	Комзаг	НКВТ	
VII	37 650	42 850	-5200	3,3 (0,2)	0,1	—
VIII	50 500	40 280	10 220	167,0 (10,7)	38,0 (2,8)	13 000
IX	54 700	50 070	4 630	472,0 (30,3)	310,6 (22,8)	15 000
X	47 820	48 660	-840	330,3 (21,2)	184,8 (13,5)	13 000
XI	56 310	67 480	-11 170	230,1 (14,8)	255,3 (18,7)	15 500
XII	48 000	54 610	-6 610	158,2 (10,2)	221,2 (16,2)	6 050
I	46 450	44 305	2 145	87,3 (5,6)	133,7 (9,8)	3 000
II	40 750	40 370	380	70,1 (4,5)	74,4 (5,5)	2 650
III	48 985	50 265	-280	22,7 (1,4)	95,9 (7,0)	500
IV	47 665	53 665	-6 000	13,3 (0,9)	28,8 (2,1)	-2 575
V	49 080	50 905	-1 625	0,2	16,6 (1,2)	-4 100
VI	53 350	56 175	-2 825	3,6 (0,2)	4,3 (0,4)	800

Как видно из таблицы, за второе полугодие 1932 г. Комзаг отгрузил 1360,9 тыс. т зерна (87,4% от общего)⁷⁹, из которых экспортировано 1010 тыс. т (74%)⁸⁰; таким образом, экспорт урожая 1932 г. приходится преимущественно на вторую половину этого же года. В первом полугодии 1933 г. экспорт от урожая

1932 г. резко падает — соответственно, 197,2 (12, 6%) и 353,7 (26%) тыс. т. зерна⁸¹. Кроме того, помимо зерновых, экспортировалась мука. Всего пшеничной и ржаной муки Комзагом во втором полугодии 1932 г. было отгружено 21, 4 тыс. т, а в первом полугодии 1933 г. — 27, 2 тыс. т, непосредственно же экспортировано 9,9 и 11, 9 тыс. т соответственно⁸². По сравнению с зерновым экспортом показатели незначительные.

В конечном итоге, судя по данным таблицы, из 1, 64 млн т фактически было экспортировано 1, 36 млн т. Следовательно, отгруженное на экспорт зерно на начало 1933 г., когда появились первые донесения о голоде, на 75% либо уже было вывезено, либо являлось залогом кредитов. И советское правительство не только не форсирует экспорт, но сразу же практически прекращает отгрузку продовольственных хлебов⁸³, а когда в марте 1933 г. в сельской местности ряда регионов голод достиг своего пика, принимает решение о полном прекращении экспорта с 1 апреля 1933 г.⁸⁴ Следовательно, никакого намеренного экспорта «не доедим, но вывезем» в 1932–1933 гг. не наблюдается.

На основании данных таблицы также можно сказать, что валютный кризис «Экспортхлеба» практически полностью совпал и с валютным кризисом СССР⁸⁵, и с пиком голода — апрель-май 1933 г. У СССР не было валюты, чтобы импортировать хлеб за рубежом (в результате накопления кредитной задолженности), в том числе наблюдается значительная задолженность по контрактам и отсутствие резервов на закупку хлеба у «Экспортхлеба». В отличие от 1931–1932 гг., когда у государства еще была возможность импортировать зерно, во втором квартале 1933 г. импорт был невозможен.

Остается только вопрос в отношении экспорта второго квартала 1933 г. в размере 49, 7 тыс. т⁸⁶, после принятого решения Политбюро о его прекращении. Вероятнее всего, это связано непосредственно с отрицательным сальдо «Экспортхлеба», который в начале сезона получал кредиты на сумму предстоящего экспорта; в результате снижения экспорта задолженность накапливалась, а значит, не покрывала полученных кредитов под урожай 1932 г., и во втором квартале 1933 г. «Экспортхлеб» вынужден был ее погашать хотя бы частично.

Таким образом, начало сплошной коллективизации и высокий урожай 1930 г. открыли перспективы для экспорта зерна, что привело к возможности СССР выбросить крупную партию зерна на внешний рынок, чтобы добиться признания себя как страны-экспортера, договориться о кредитовании под собранный урожай и закрепиться на мировом рынке зерна. В 1931 г. была предпринята попытка повторить показатели предыдущего года, но из-за ошибок в оценке урожая и планировании и недооценки засухи во втором квартале 1932 г. пришлось сокращать экспорт и срочно закупать пшеницу за рубежом. В 1932 г., учтя ошибки предыдущего года, руководство страны изначально сократило экспортные планы, но развернувшийся осенью 1932 г. кризис в очередной раз внес свои коррективы⁸⁷.

К началу 1933 г., когда стало ясно, что хлебозаготовительный план полностью провален, был утвержден окончательный план экспорта и, учитывая уже отгруженное зерно, было принято решение о прекращении отгрузок на экспорт продовольственных хлебов. В марте в связи с голодом в ряде регионов страны

окончательно решили прекратить экспорт зерновых с 1 апреля 1933 г. По стечению обстоятельств, на второй квартал 1933 г. пришелся пик валютного кризиса СССР, и внешнеторговое объединение «Экспортхлеб» на фоне уже полученных кредитов выполняло экспорт по самому возможному минимуму с уходом в отрицательный валютный баланс. Отсутствие свободных денежных средств делало невозможным закупку зерна за рубежом.

Что касается оценки действий руководства страны, то И. В. Сталин точно оценил как момент для форсирования экспорта хлеба в 1930 г., так и текущую цену за зерно. Как следствие, СССР был приглашен в сообщество экспортеров пшеницы, зафиксировался на рынке, получил доступ к кредитам и шанс размещения крупных импортных заказов за границей. Признание СССР экспортером пшеницы открывало дверь на мировой рынок, что в условиях противодействия экспорту товаров из СССР несло очевидные преимущества. Возможность быстрого получения кредитов на объем предстоящего экспорта при возможности оставления части зерна на территории СССР и закрытии при удачном стечении обстоятельств до 30% поступления валюты делало «Экспортхлеб» незаменимым, а экспорт зерна — привлекательной статьей доходов. При этом если сравнить экспорт 1913 г. (9,1 млн т) и 1930 г. (4,8 млн т)⁸⁸, то можно сделать вывод об осторожности руководства страны в определении размеров экспорта. Эта же осторожность просматривается в переписке И. В. Сталина и Л. М. Кагановича в отношении урожая 1931 г. Несмотря на начало крупных выплат и нарастание кризиса в 1932 г. во время продовольственных затруднений весной 1932 г., руководство СССР сокращает экспорт, изыскивает деньги на импорт, освобождает от залога и возвращает часть зерна, находящегося в портах СССР. В сезон урожая 1932 г. просматривается высокая оперативность в решениях (план экспорта менялся несколько раз), а также подстраховка от случайностей в виде изначального сокращения экспорта, несмотря на необходимость его увеличения. По мере нарастания кризиса власти не увеличивают, а еще больше сокращают экспорт и пытаются найти иные пути выхода из ситуации. Во втором квартале 1933 г., когда совпали пик голода и пик валютного кризиса, власти окончательно прекращают экспорт урожая 1932 г., в итоге так и не выполнив экспортный план.

Таким образом, приоритетом действий руководства СССР являлась текущая продовольственная ситуация внутри страны, и в случае возникновения продовольственного кризиса действия были направлены на его разрешение, исходя из имеющихся на тот момент возможностей.

¹ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1998. № 6. С. 127.

² Гинцберг Л. И. Массовый голод в сочетании с экспортом хлеба в начале 30-х годов. По материалам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП (б) // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 119–126

³ Зеленин И. Е. Введение (Кульминация крестьянской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001. С. 23.

⁴ Там же. С. 33–34.

- ⁵ Кондрашин В. В. Предпосылки и начало сталинского голода (1929–1932 гг.) // Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. / Т. 1. Кн. 1: 1929 — июль 1932. М., 2011. С. 45.
- ⁶ Там же. С. 47.
- ⁷ Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М., 2014. С. 32–33, 36–37, 43, 47, 81, 94–100, 147–148, 206.
- ⁸ Там же. С. 94.
- ⁹ Там же. С. 100.
- ¹⁰ Дэвис Р. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011. С. 15, 16, 100–101, 116–117, 127, 150, 154–155, 208, 237–238, 272, 439–440, 446–447, 480.
- ¹¹ Прудникова Е. А. Мифология голодомора. М., 2013. С. 105.
- ¹² Там же. С. 106.
- ¹³ Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. (Статистический обзор). М., 1960. С. 326, 360, 901.
- ¹⁴ Український хліб на експорт: 1932–1933. Київ, 2006.
- ¹⁵ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 413. Оп. 12. Д. 787. Л. 154.
- ¹⁶ См., например: Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. (Статистический обзор). С. 144.
- ¹⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 787 Л. 155–156.
- ¹⁸ См. ссылку № 10 выше.
- ¹⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / Т. 5. 1929–1932. М., 1984. С. 72–75.
- ²⁰ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936. С. 629.
- ²¹ Там же. С. 213.
- ²² Чернов М. Организация хлебозаготовок в 1930/31 г. // Плановое хозяйство. М., 1930. № 6. С. 14.
- ²³ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. С. 216.
- ²⁴ Там же. С. 215.
- ²⁵ Вольф М. План социалистической реконструкции сельского хозяйства на 1931 г. // Плановое хозяйство. М., 1930. № 12. С. 166.
- ²⁶ Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. (Статистический обзор). С. 144.
- ²⁷ Внешняя торговля Союза ССР (Статистический обзор). М., 1931. Вып. 6 (72), 12 (78). С. 19.
- ²⁸ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг.: Сб. док. М. 1995. С. 194, 203–204.
- ²⁹ Там же. С. 198.
- ³⁰ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 402. Л. 8.
- ³¹ Там же. Д. 788. Л. 14.
- ³² Там же. Д. 159. Л. 6.
- ³³ Там же. Л. 7.
- ³⁴ Там же. Л. 9.
- ³⁵ Там же. Л. 19.
- ³⁶ Там же. Л. 20.
- ³⁷ Куликов П. Итоги и перспективы производства зерновых культур // Плановое хозяйство. М., 1932. № 5. С. 46
- ³⁸ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. С. 213, 215.
- ³⁹ Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. (Статистический обзор). С. 144.
- ⁴⁰ Внешняя торговля Союза ССР (Статистический обзор). М., 1931. Вып. 6 (72), 12 (78). С. 19; 1932. Вып. 6 (84). С. 19.
- ⁴¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 80; Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 16–19.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 156.
- ⁴³ Там же. Л. 159.
- ⁴⁴ Там же. Л. 179.
- ⁴⁵ Там же. Д. 12. Л. 2–3.
- ⁴⁶ Там же. Л. 9.
- ⁴⁷ Там же. Л. 93.

- ⁴⁸ Там же. Л. 109.
- ⁴⁹ Там же. Л. 107.
- ⁵⁰ Там же. Л. 115–116.
- ⁵¹ Там же. Л. 132.
- ⁵² Там же. Л. 191.
- ⁵³ Там же. Д. 13. Л. 11.
- ⁵⁴ Внешняя торговля Союза ССР (Статистический обзор). М., 1932. Вып. 1 (79) — 6 (84). С. 19.
- ⁵⁵ Внешняя торговля Союза ССР (Статистический обзор). М., 1932. Вып. 12 (90). С. 58.
- ⁵⁶ Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. (Статистический обзор). С. 360.
- ⁵⁷ См. ссылки №№ 44–50.
- ⁵⁸ См. ссылку № 50.
- ⁵⁹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Л. 1185. Л. 77.
- ⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 906. Л. 19.
- ⁶¹ Внешняя торговля Союза ССР (Статистический обзор). М., 1932. Вып. 6 (84). С. 58; Вып. 7 (85). С. 64; Вып. 8 (86). С. 68; Вып. 12 (90). С. 84.
- ⁶² Подсчитано по следующим источникам: Внешняя торговля Союза ССР (Статистический обзор). М., 1932. Вып. 6 (84). С. 58; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 1185. Л. 77.
- ⁶³ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. С. 239.
- ⁶⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических республик издаваемое Управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО. 1932 г. Отдел первый. М., 1932. С. 296–297.
- ⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 891. Л. 57.
- ⁶⁶ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. С. 240.
- ⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 138.
- ⁶⁸ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 188–189; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 840. Л. 76–81.
- ⁶⁹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 197; РГАСПИ Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 81–87.
- ⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13 Л. 30–31.
- ⁷¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 223. Л. 1–3.
- ⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 133.
- ⁷³ Там же. Л. 134.
- ⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 223. Л. 3.
- ⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 28–29.
- ⁷⁶ Там же. Л. 108.
- ⁷⁷ Там же. Л. 133, 134.
- ⁷⁸ Таблица составлена на основании следующих источников: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 13-а. Д. 593. Л. 42, 44; Д. 594. Л. 44, 50; Д. 595. Л. 34, 35; Оп. 14-а. Д. 1024. Л. 60, 61; Д. 1028. Л. 9, 25, 26; Д. 1031. Л. 25, 26; Д. 1032. Л. 19, 20; Д. 1033. Л. 68, 69; Д. 1034. Л. 43, 44; Д. 1037. Л. 75, 76; Д. 1039. Л. 82, 83; Д. 1041. Л. 33, 34; Ежегодник хлебооборота за 1931–32, 1932–33 и предварительные итоги заготовок 1933 г. М., 1934. С. 68; Внешняя торговля Союза ССР. Статистический обзор. М.; Л., 1932. Вып. 7 (85). С. 19; Вып. 8 (86). С. 19; Вып. 9 (87). С. 19; Вып. 10 (88). С. 19; Вып. 11 (89). С. 19; Вып. 12 (90). С. 19; Внешняя торговля Союза ССР. Статистический обзор. М.; Л., 1933. Вып. 1 (91). С. 19; Вып. 2 (92). С. 19; Вып. 3 (93). С. 19; Вып. 4 (94). С. 19; Вып. 5 (95). С. 19; Вып. 6 (96). С. 19.
- ⁷⁹ Подсчитано по следующим источникам: Ежегодник хлебооборота за 1931–32, 1932–33 и предварительные итоги заготовок 1933 г. М., 1934. С. 68.
- ⁸⁰ Подсчитано по следующим источникам: Внешняя торговля Союза ССР. Статистический обзор. М.; Л., 1932. Вып. 7 (85). С. 19; Вып. 8 (86). С. 19; Вып. 9 (87). С. 19; Вып. 10 (88). С. 19; Вып. 11 (89). С. 19; Вып. 12 (90). С. 19.
- ⁸¹ Подсчитано по следующим источникам: Внешняя торговля Союза ССР. Статистический обзор. М.; Л., 1933. Вып. 1 (91). С. 19; Вып. 2 (92). С. 19; Вып. 3 (93). С. 19; Вып. 4 (94). С. 19; Вып. 5 (95). С. 19; Вып. 6 (96). С. 19.

⁸² Подсчитано по следующим источникам: Внешняя торговля Союза ССР. Статистический обзор. М.; Л., 1932. Вып. 7 (85). С. 27; Вып. 8 (86). С. 27; Вып. 9 (87). С. 27; Вып. 10 (88). С. 27; Вып. 11 (89). С. 27; Вып. 12 (90). С. 27. — Также см.: Внешняя торговля Союза ССР. Статистический обзор. М.; Л., 1933. Вып. 6 (96). С. 26.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 28–29.

⁸⁴ Там же. Л. 108.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 14-а. Д. 1037. Л. 75, 76; Д. 1039. Л. 82, 83.

⁸⁶ Внешняя торговля Союза ССР. Статистический обзор. М.; Л., 1933. Вып. 4 (94). С. 19; Вып. 5 (95). С. 19; Вып. 6 (96). С. 19.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 223. Л. 3.

⁸⁸ Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. (Статистический обзор). С. 144.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Назаренко Н. Н., Башкин А. В. Экспорт зерновых начала 30-х гг. XX в. в контексте голода 1932–1933 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 105–120.

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.307

УДК 94 (47).084.6

Аннотация: В статье анализируются экспортные операции СССР зерновых культур и движение зерновых на экспорт от урожаев в 1930–1933 гг. Показано, что наиболее часто цитируемые слова И. В. Сталина о форсировании хлебного экспорта относятся исключительно к благоприятному в экспортном плане 1930 г. В последующие годы, в результате падения урожая, ухудшении конъюнктуры международного рынка зерна, а также ошибок в планировании, позиция руководство СССР изменилась. Анализ динамики экспорта 1931 — первой половины 1933 гг., а также управленческих решений руководства СССР показывает, что при наступлении продовольственных затруднений и голода руководство СССР сокращает экспорт, изыскивает деньги на импорт, освобождает от залога и возвращает часть зерна, находящегося в портах СССР. В действиях руководства СССР просматривается высокая оперативность в решениях, а также подстраховка от случайностей в виде изначального сокращения экспорта. Пик валютного кризиса в первой половине 1933 г. делал импорт продовольствия в СССР невозможным.

Ключевые слова: импорт, экспорт, зерновые, СССР, голод, 1932–1933 гг.

Сведения об авторах: Н. Н. Назаренко — доктор биологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (г. Тамбов, Россия); nnazarenko@hotmail.com | А. В. Башкин — Интернет-проект «Исторические материалы» (Москва, Россия); lost_empire@mail.ru

FOR CITATION

Nazarenko N. N., Bashkin A. V. Cereal Crops Export in early 1930s in the Context of the Famine of 1932–1933, Modern history of Russia, no 3, 2016. P. 105–120.

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.307

Abstract: The Soviet Union export of cereal crops and the crops transposition for export from the actual harvests of 1930–1933 are analyzed in the article. It is shown that the most quoted Stalin's words about the cereal crops export forcing referred exclusively to favorable for export 1930. In subsequent years, the position of the Soviet government changed because of the harvest reduction, the deterioration in the international grain market, as well as mistakes in planning. The analysis of export in 1931 — the first half of 1933 and management decisions of the USSR shows that the Soviet government reduced export in conditions of food hardship and famine arose, sought out money for import, quitted bail and returned part of rostrum the USSR ports. Decisions and actions of the USSR government show highly efficient solutions, as well as backup against accidents in the form of the original decline in export. The peak of the economic crisis in the first half of 1933 made the import of food in the USSR impossible.

Keywords: crops, import, export, USSR, famine, 1932–1933

Authors: **N. N. Nazarenko** — Doctor of Biology, Associate Professor, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia); nnazarenko@hotmail.com **A. V. Bashkin** — Internet project “Historical materials” (Moscow, Russia); lost_empire@mail.ru

References:

- 1 Sovremennye koncepcii agrarnogo razvitija. Teoreticheskij seminar. *Otechestvennaja istorija*, 1998, no. 6.
- 2 Gintsberg L. I. ‘Massovyj golod v sochetanii s eksportom khleba v nachale 30-kh godov. Po materialam «osobykh papok» Politbjuro CK VKP (b) ’, *Voprosy istorii*, 1999, no. 10.
- 3 Zelenin I. E. ‘Vvedenie (Kulminacija krestjanskoj tragedii) ’ in *Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy*, Vol. 3. Konets 1930–1933, Ed. V. Danilov, R. Manning, L. Viola (Moscow, 2001).
- 4 Kondrashin V. V. ‘Predposylki i nachalo stalinskogo goloda (1929–1932 gg.) ’ in *Golod v SSSR. 1929–1934*, Vol. 1, Book 1: 1929 — July 1932 (Moscow, 2011).
- 5 Kondrashin V. V. *Khlebozagotovitel'naja politika v gody pervoj pjatiletki i ee rezultaty (1929–1933 gg.)* (Moscow, 2014).
- 6 Davies R. *Gody goloda: Sel'skoe hozjajstvo SSSR, 1931–1933* (Moscow, 2011).
- 7 Prudnikova E. A. *Mifologija golodomora* (Moscow, 2013).
- 8 *Vneshnjaja trgovlja SSSR za 1918–1940 gg. (Statisticheskij obzor)* (Moscow, 1960).
- 9 *Ukraïnskij khlib na eksport: 1932–1933* (Kiev, 2006).
- 10 *Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljucijakh i reshenijakh siyezdov, konferencij i plenumov TsK*, Vol. 5: 1929–1932 (Moscow, 1984).
- 11 *Pisma I. V. Stalina V. M. Molotovu 1925–1936 gg.: Sb. dok.* (Moscow, 1995).
- 12 *Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg.* (Moscow, 2001).